

К нам идёт НОВЫЙ ГОД!

СТИХИ
И СКАЗКИ

К нам идёт

НОВЫЙ ГОД!

СТИХИ И СКАЗКИ

#эксмогетство

Москва
2020

К11 **К нам идёт Новый год!** Стихи и сказки / иллюстрации Марины Литвиновой, Юлии Устиновой. — Москва : Эксмо, 2020. — 96 с. : ил. — (Книжки к Новому году).

В книге собраны лучшие стихи и сказки к Новому году: «Морозко», «Снегурочка», «Двенадцать месяцев», «Старик-годовик» и другие.

УДК 82-822
ББК 84я43

ISBN 978-5-04-103127-5

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Литературно-художественное издание
Для дошкольного возраста, текст для чтения взрослыми детям

әдеби-көркемдік баспа

Мектепке дейінгі жастағылар үшін, мәтін ересектер мен балаларға оқуға арналған

К нам идёт Новый год!

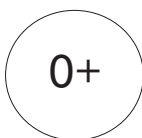
Стихи и сказки

(орыс тілінде)

Иллюстрации *Марины Литвиновой, Юлии Устиновой*

Ответственный редактор *О. Куликова*. Художественный редактор *И. Лапин*

Технический редактор *М. Печковская*. Компьютерная верстка *Д. Фирстов*. Корректор *Е. Холявченко*

ООО «Издательство «Эксмо»

123308, Россия, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел.: 8 (495) 411-68-86.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Өндіруші: «ЭКСМО» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Ресей, Зорге көшесі, 1 үй.

Тел.: 8 (495) 411-68-86.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Tayyar bellichi: «Эксмо»

Интернет-магазин: www.book24.ru

Интернет-магазин: www.book24.kz

Интернет-дүкен: www.book24.kz

Импортер в Республику Казахстан ТОО «РДЦ-Алматы».

Қазақстан Республикасындағы импорттаушы «РДЦ-Алматы» ЖШС.

Дистрибьютор и представитель по приему претензий на продукцию,

в Республике Казахстан: ТОО «РДЦ-Алматы»

Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша арыз-талаптарды

қабылдаушының өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС,

Алматы қ., Домбровский көш., 3-а, литер Б, офис 1.

Тел.: 8 (727) 251-59-90/91/92; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Сертификация туралы ақпарат сайтыта: www.eksmo.ru/certification

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ

о техническом регулировании можно получить на сайте Издательства «Эксмо»

www.eksmo.ru/certification

Өндірген мемлекет: Ресей. Сертификация қарастырылған

Дата изготовления / Подписано в печать 09.08.2019. Формат 84×108^{1/16}.

Гарнитура «Kudrashov». Печать офсетная. Усл. печ. л. 10,08.

Тираж

экз. Зак

ISBN 978-5-04-103127-5

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

ЕАС

ЁЛОЧКА

В лесу родилась ёлочка,
В лесу она росла,
Зимой и летом стройная,
Зелёная была.

Метель ей пела песенку:
«Спи, ёлочка, бай-бай!»
Мороз снежком укутывал:
«Смотри, не замерзай!»

Трусишка зайка серенький
Под ёлочкой скакал.
Порою волк,
сердитый волк
Рысцою пробегал.

Чу! Снег по лесу частому
Под полозом скрипит;
Лошадка мохноногая
Торопится, бежит.

Везёт лошадка дровенки,
А в дровнях старичок,
Срубил он нашу ёлочку
Под самый корешок.

Теперь она, нарядная,
На праздник к нам пришла
И много, много радости
Детишкам принесла.

* * *

Улицей гуляет
Дедушка Мороз,
Иней рассыпает
По ветвям берёз;
Ходит, бороною
Белою трясёт,
Топают ногою,
Только треск идёт.

СТАРИК-ГODOVIK

Вышел старик-годовик. Стал он махать рукавом и пускать птиц. Каждая птица со своим особым именем. Махнул старик-годовик первый раз — и полетели первые три птицы. Повеял холод, мороз.

Махнул старик-годовик второй раз — и полетела вторая тройка. Снег стал таять, на полях показались цветы.

Махнул старик-годовик третий раз — полетела третья тройка. Стало жарко, душно, знойно. Мужики стали жать рожь.

Махнул старик-годовик четвёртый раз — и полетели ещё три птицы. Подул холодный ветер, посыпался частый дождь, залегли туманы.

А птицы были не простые. У каждой птицы по четыре крыла. В каждом крыле по семи перьев. Каждое перо тоже со своим именем. Одна половина пера белая, другая — чёрная. Махнёт птица раз — станет светлым-светло, махнёт другой — станет темным-темно.

Что это за птицы вылетели из рукава старика-годовика? (*Времена года.*)

Какие это четыре крыла у каждой птицы? (*Недели.*)

Какие семь перьев в каждом крыле? (*Дни.*)

Что это значит, что у каждого пера одна половина белая, а другая — чёрная? (*День и ночь.*)

* * *

— Посмотри скорей: зима!
Как всё бело, как всё ново!
Под окошком бахрома
Из бубенчиков пуховых.
И в саду, и на дворе
Всё совсем другое стало:
Все деревья в серебре,
А земля совсем пропала...
В белом, в белом все дома,
Все деревья, все тропинки...
Ах, ты, милая зима!
Ах, вы, милые снежинки!

* * *

Снег посыпал густо-густо
и засыпал грустных-грустных...
Нет ни грустных, ни ворчливых —
много белых и счастливых!

ЗИМОВЬЕ ЗВЕРЕЙ

Идёт из деревни бык, а навстречу ему баран.

— Куда, баран, идёшь? — спрашивает бык.

— От зимы лета ищу, — говорит баран.

— Пойдём вместе!

— Пойдём.

Вот идут они вместе. Вдруг им навстречу свинья.

— Куда, свинья, идёшь?

— От зимы лета ищу, — отвечает свинья.

— Иди с нами!

Пошли втроём. А навстречу им гусь.

— Куда, гусь, идёшь? — спрашивают они.

— От зимы лета ищу, — отвечает гусь.

— Ну, иди с нами!

Идут дальше, а навстречу им петух.

— Куда, петух, идёшь?

— От зимы лета ищу, — отвечает петух.

— Иди с нами.

Пошёл и петух.

Вот идут они путём-дорогою
и думают:

— Приходит, братцы-товари-
щи, время холодное — зима
настаёт. Где тепла искать?

Бык и говорит:

— Надо избу стро-
ить, а то замёрзнем.

Баран говорит:

— У меня шуба тёплая —
видите, какая шерсть! Я и так
перезимую.

— А по мне, — говорит свинья, — хоть какие морозы, я не боюсь: зарюсь в землю и без избы перезимую.

Гусь говорит:

— А я сяду на ель, одно крыло постелю, другим укроюсь: меня никакой холод не возьмёт.

— И я тоже! — говорит петух.

Видит бык — дело плохо, надо одному хлопотать.

— Ну, — говорит, — вы как хотите, я один стану избу строить.

Вот выстроил себе бык избушку и живёт в ней.

Пришла зима, стали пробирать морозы. Приходит к быку баран:

— Пусти, брат, погреться.

— Нет, баран, у тебя шуба тёплая, ты и так перезимуешь.

— А коли не пустишь, то я разбегусь и вышибу из твоей избы бревно, тебе же будет холоднее.

Думал-думал бык, как быть. А ну баран и вправду бревно вышибет? «Лучше пущу, а то он меня заморозит». И пустил барана. За бараном пришла свинья:

— Пусти, брат, погреться.

— Нет, не пущу, ты в землю зароешься и так перезимуешь!

— А не пустишь, так я рылом все столбы подрою, упадёт тогда твоя избушка.

Делать нечего, надо пустить. Пустил и свинью.

После всех пришли гусь и петух:

— Пусти, брат, к себе обогреться.

— Нет, не пущу. У вас по два крыла: одно постелете, другим укроетесь и так перезимуете.

— Не пустишь, — говорит гусь, — так я весь мох из твоих стен повыщиплю, тебе же холоднее будет.

— Не пустишь, — кричит петух, — так я влезу наверх, всю землю с потолка сгребу, тебе же холоднее будет!

Что делать быку? Пустил жить к себе и гуся с петухом.

Вот зажили они в избушке все вместе. Тепло им, хорошо. Отогрелся петух в избе и начал песенки распевать. Услыхала лиса, что петух песенки распевает, захотелось ей петушком полакомиться, да как достать его? Думала-думала и пошла к медведю с волком.

— Ну, любезные куманьки, нашла я для всех поживу: для вас — барашка, а для себя — петушка.

— Хорошо, кумушка, — говорят медведь и волк, — мы твоих услуг никогда не забудем! Пойдём поймаем их, да и съедим.

Привела лиса их к избушке.

— Кум, — говорит она медведю, — отворяй-ка дверь, я наперёд пойду.

Отворил медведь дверь, и лиса вскочила в избушку. Увидал её бык, да и прижал к стене рогами, а баран в это время ну её по бокам охаживать.

Из лисицы и дух вон!

— Что это она там долго с петухом не может управиться? — говорит волк. — Отпирай-ка, Михайло Иванович, я пойду.

— Ну, ступай.

Отворил медведь дверь, и волк вскочил в избушку. Бык и его прижал к стене рогами, а баран — ну охаживать его по бокам, да так сильно, что волк и дышать перестал.

А медведь стоит у дверей, дожидается. «Что он до сих пор не может управиться с бараном? — думает он. — Дай-ка я пойду».

Вошёл Михайло Иванович в избушку, бык да баран как примутся за него — насилу он вырвался.

Так и не пришлось им мясцом полакомиться. А бык с товарищами и до сих пор в избушке живёт да поживает.

ХИТРАЯ ЛИСА

Бежит голодная лиса по дороге и смотрит, нельзя ли чем-нибудь съестным поживиться. Вот видит она — везёт мужичок на санях рыбку. «Эх, хорошо бы рыбки покушать», — думает лиса. Забежала вперёд, да и легла на дорогу, будто мёртвая. Подъезжает мужик, видит — мёртвая лиса лежит.

— Вот славный воротник жене на шубу! — говорит он.

Взял он лису за хвост, бросил в сани, закрыл рогожею и едет дальше. А лисонька лежит себе смирнѣхонько: только зубами работает. Прогрызла в мешке дыру и давай рыбу выкидывать. Рыбка за рыбкой, рыбка за рыбкой, пока всю не повыкидывала, а потом и сама из саней выскочила, да и была такова.

Приехал мужик домой и говорит жене:

— Ну, жена, какой славный воротник привёз я тебе на шубу!

— Где?

— Там, на возу, и рыба, и воротник.

Подошла баба к возу, смотрит: ни рыбы, ни воротника. Тут только смекнул мужик, что лисичка-то была не мёртвая. Погоревал-погоревал, да делать нечего, обманула хитрая лиса.

БИТЫЙ НЕБИТОГО ВЕЗЁТ

Наловила как-то Лиса рыбки, села и ест себе. Глядь — по дороге Волк Евстифейка идёт.

— Здравствуй, кумушка! Рыбку кушаешь? Дай мне!

— Налови сам, да и ешь.

— Да я не умею.

— Эх, ничего-то ты не умеешь. Ну, на вот рыбку, попробуй!

Проглотил Волк рыбку и стал пуще прежнего Лису просить, чтобы она научила его, как ему самому такой рыбы наловить.

— Ну, ладно, — говорит Лиса, — я тебя научу: ступай ты на реку и опусти хвост в прорубь: рыба сама тебе на хвост нацепится. Да смотри, сиди подольше, а то не наловишь.

— Спасибо, кумушка, за науку!

Повела Лиса его к проруби, а дорогой и говорит:

— Когда будешь, Евстифеюшка, ловить, приговаривай: ловись, рыбка, большая и маленькая! А то коли одна большая наловится — смотри, пожалуй, и не вытащишь.

Сел Волк, хвост опустил в прорубь, а сам бормочет:
— Ловися, рыбка, всё большая да большая! Ловися, рыбка, всё большая да большая!

А Лисичка кругом похаживает, на небо посматривает да приговаривает:

— Мёрзни-мёрзни, волчий хвост!

— Что ты, кумушка, говоришь? — спрашивает Волк.

— Рыбку тебе, куманёк, скликаю.

Сидел-сидел Волк у проруби, уж и ночь проходит, светать стало. Попробовал было он приподняться — не тут-то было. «Эва, сколько рыбы привалило, и не вытащишь», — думает.

- Не пора ли, кумушка, тащить?
- Посиди ещё, куманёк: больше наловится.

Занялась заря утренняя, потянулись бабы из села с вёдрами, с коромыслами. Тут Лисичка хвостиком махнула, была такова, а Волк как ни рвётся — всё ни с места, крепко примёрз хвост к проруби, держит его, как на привязи. Увидали бабы Серого, крик подняли; сбежался народ и давай Волка угощать всем, что кому в руки попало, Волк прыгал-прыгал, оторвал себе полхвоста и убежал.

Пока Волк отдувался своими боками, Лисичка захотела попробовать, не удастся ли ещё что-нибудь стянуть. Забралась она в одну избу, где бабы блины пекли, да и попади невзначай головой в кадушку с тестом; вымазалась вся — и бежит. А Волк, избитый, ей навстречу.

— Так-то ты, Лиса, меня учишь? От твоей науки я принял такой муки, что без хвоста остался.

— Эх, куманёк, — говорит Лиса, — с кем беда не живёт! Тебе без полхвоста ещё с полгоря. А мне-то какво? Меня ещё больней твоего прибили: у тебя хоть кровь выступила, а у меня — мозг! Видишь, насилу плетусь.

— Батюшки! — говорит Волк. — Как тебе досталось! И правда, кумушка, где уж тебе идти: садись на меня, я тебя довезу.

Села Лисичка Волку на спину, и повёз он её. Вот она сидит да потихоньку приговаривает:

— Битый небитого везёт, битый небитого везёт.

— Что ты, кумушка, говоришь?

— Я, куманёк, говорю: битый, мол, битого везёт.

— Правда, кумушка, ох, правда.

Так хитрая Лиса Волка два раза обманула.

ЛИСА-ЛАПОТНИЦА

Зимней ночью шла голодная кума по дорожке; на небе тучи нависли, по полю снежком порошит. «Хоть бы на один зуб чего перекусить», — думает лисонька. Вот идёт она путём-дорогой, вдруг глянь — лежит ошмёток. «Что же, — думает лиса, — ину пору и лапоток пригодится». Взяла лапоть в зубы и пошла дальше. Приходит в деревню и у первой избы стучится.

— Кто там? — спрашивает мужик.

— Это я, добрый человек, лисичка-сестричка. Пусти переночевать

— У нас и без тебя тесно! — говорит старик.

— Что мне, много ли надо? — просится лиса. — Сама лягу на лавку, а хвостик под лавку — и вся тут.

Сжалился старик, пустил лису, а она ему и говорит:

— Мужичок, мужичок, спрячь мой лапоток!

Мужик взял лапоть и кинул его под печку.

Вот ночью все заснули, лисичка слезла тихонько с лавки, подкралась к лаптю, вытащила его и закинула далеко в печь, а сама вернулась как ни в чём не бывало, легла на лавочку и хвостик спустила под лавочку.

Стало светать. Люди проснулись; старуха затопила печь, а старик стал снаряжаться в лес по дрова.

Проснулась и лисица, побежала за лапотком — глядь, а лаптя как не бывало. Взыла лиса:

— Обидел старик, поживился моим добром, а я за свой лапоток и курочки не возьму!

Посмотрел мужик под печь: нет лаптя! Что делать? А ведь сам клал! Пошёл, взял курицу и отдал лисе. А лиса ещё ломаться стала, курицы не берёт и на всю деревню воеет о том, как разобидел её старик.

Хозяин с хозяйкой стали ублажать лису: налили в чашку молока, покрошили хлеба, сделали яичницу и стали лису просить не побрезгать хлебом-солью. А лисе только того и хотелось. Вскочила на лавку, поела хлеб, вылакала молочка, уплела яичницу, взяла курицу, положила в мешок, простилась с хозяевами и пошла своим путём-дорогой.

Идёт да песенку попевает:

Лисичка-сестричка	Лапоток нашла —
Тёмной ноченькой	В люди снесла,
Шла голодная;	Добрым людям сбыла,
Она шла да шла,	Курочку взяла.

Вот подходит она вечером к другой деревне. Стук, тук, тук — стучит лиса в избу.

— Кто там? — спрашивает мужик.

— Это я, лисичка-сестричка. Пусти, дядюшка, переночевать!

— У нас и без тебя тесно, ступай дальше, — говорит мужик.

— Я вас не потесню, — говорит лиса. — Сама лягу на лавку, а хвост под лавку — и вся тут!

Пустили лису. Вот поклонилась она хозяину и отдала ему на сбережение свою курочку, сама же смирнѣхонько улеглась в уголок на лавку, а хвостик подвернула под лавку.

Хозяин взял курочку и пустил её к уткам за решётку. Лисица всё это видела и, как заснули хозяева, слезла тихонько с лавки, подкралась к решётке, вытащила свою курочку, ощипала, съела, а пёрышки с косточками зарыла под печь; сама же вскочила на лавку, свернулась клубочком и уснула.

Стало светать; баба принялась за печь, а мужик пошёл скотинке корму задать.

Проснулась и лиса, начала собираться в путь; поблагодарила хозяев за тепло, за угрев и стала у мужика спрашивать свою курочку.

Мужик полез за курицей — глядь, а курочки как не бывало! Он туда-сюда, перебрал всех уток: что за диво — курицы нет как нет!

А лиса стоит да жалобно причитает:

— Курочка моя, чернушка моя, заклевали тебя пёстрые утки, забили тебя сизые селезни! Не возьму я за тебя любой утицы!

Сжалилась баба над лисой и говорит мужу:

— Отдадим ей уточку да покормим её на дорогу!

Вот напоили, накормили лису, отдали ей уточку и проводили за ворота.

Идёт кума-лиса, облизываясь, да песенку свою попевает:

Лисичка-сестричка
Тёмной ноченькой
Шла голодная;
Она шла да шла,
Лапоток нашла —
В люди снесла,
Добрым людям сбыла,
За ошмёток — курочку,
За курочку — уточку.

Шла лиса близко ли, далёко ли, долго ли, коротко ли — стало смеркаться. Завидела она в стороне жильё — и свернула туда; приходит: тук, тук, тук в дверь!

— Кто там? — спрашивает хозяин.

— Я, лисичка-сестричка, сбилась с дороги, вся пере-зябла и ноженьки отбила бежавши! Пусти меня, добрый человек, отдохнуть да обогреться!

— И рад бы пустить, кумушка, да некуда!

— И-и, куманёк, я непривередлива: сама лягу на лавку, а хвост подверну под лавку — и вся тут!

Подумал, подумал старик, да и пустил лису. А лиса и рада. Поклонилась хозяевам, да и просит сберечь до утра её уточку-плосконосочку.

Приняли уточку-плосконосочку на сбережение и пустили её к гусям. А лисичка легла на лавку, хвост подвернула под лавку и захрапела.

— Видно, сердечная, умаялась, — сказала баба, влезая на печку.

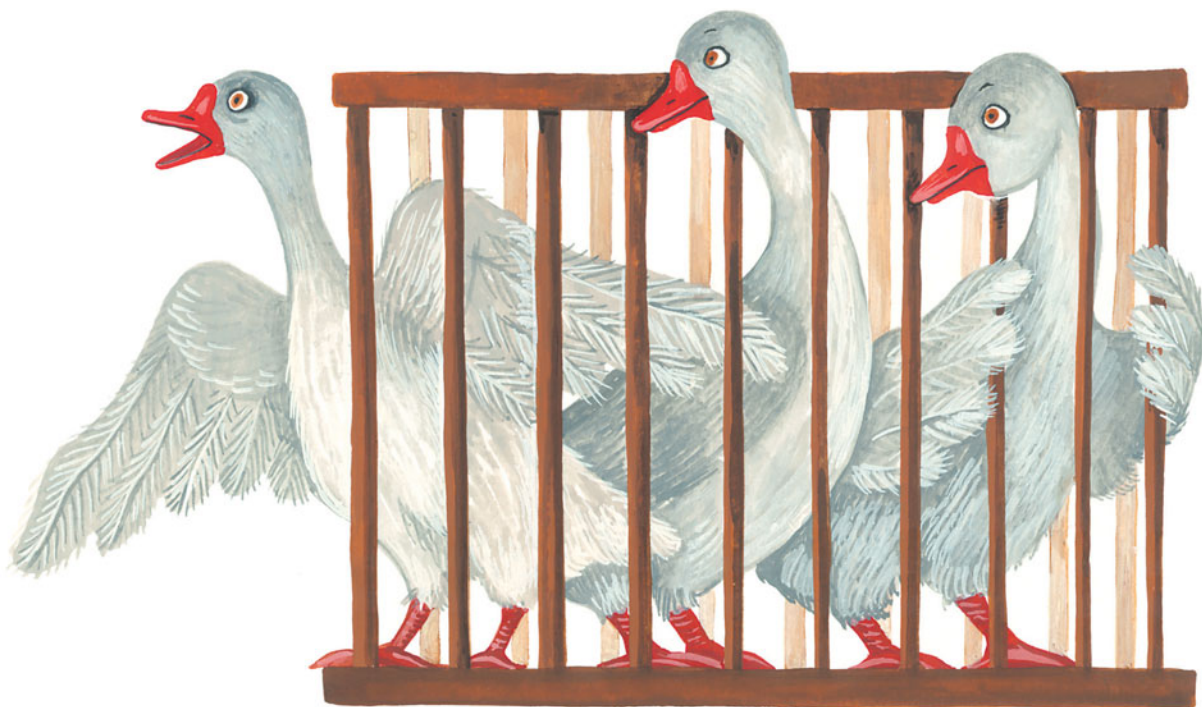
Невдолге заснули и хозяева, а лиса только того и ждала: слезла тихонько с лавки, подкралась к гусям, схватила свою уточку-плосконосочку, закусилась, оципала дочиста, съела, а косточки и пёрышки зарыла под печью; сама же как ни в чём не бывало легла спать и спала до бела дня. Проснувшись, потянулась, огляделась; видит — одна хозяйка в избе.

— Хозяюшка, а где хозяин? — спрашивает лиса. — Мне бы надо с ним проститься, поклониться за тепло, за угрев.

— Вона, хватилась хозяина! — сказала старуха. — Да уж он теперь, чай, давно на базаре.

— Так счастливо оставаться, хозяюшка, — сказала, кланяясь, лиса. — Моя плосконосочка уже, чай, проснулась. Давай её, бабушка, скорее, пора и нам с нею пуститься в дорогу.

Старуха бросилась за уткой — глядь-поглядь, а утки нет! Что будешь делать, где взять? А отдать надо! Тут лиса давай причитать: была у неё уточка, невиданная,

неслыханная, пёстрая в прозолоть, за уточку ту она бы и гуська не взяла.

Испугалась хозяйка, да и ну кланяться лисе:

— Возьми же, матушка Лиса Патрикеевна, возьми любого гуська! А уж я тебя напою, накормлю, ни маслица, ни яичек не пожалею.

Пошла лиса на мировую, напилась, наелась, выбрала что ни есть жирного гуся, положила в мешок, поклонилась хозяйке и отправилась в путь-дороженьку; идёт, да и припевает про себя песенку:

Лисичка-сестричка
Тёмной ноченькой
Шла голодная;
Она шла да шла,
Лапоток нашла —
В люди снесла,
Добрым людям сбыла,
За ошмёток — курочку,
За курочку — уточку,
За уточку — гусёночка!

Шла лиса и приумаялась. Тяжело ей стало гуся в мешке нести: вот она то привстанет, то присядет, то опять побежит. Пришла ночь, и стала лиса ночлег промышлять; где в какую дверь ни постучит, везде отказ. Вот подошла она к последней избе да тихонько, несмело так стала постукивать: тук, тук, тук, тук!

- Чего надо? — отозвался хозяин.
- Обогрей, родимый, пусти ночевать!
- Негде, и без тебя тесно!
- Я никого не потесню, — отвечала лиса, — сама лягу на лавочку, а хвостик под лавочку — и вся тут.

Сжалился хозяин, пустил лису, а она суёт ему на сбережение гуся; хозяин посадил его за решётку к индюшкам. Но сюда уже дошли с базару слухи про лису.

Вот хозяин и думает: «Уж не та ли это лиса, про которую народ бает?» — и стал за нею присматривать. А она улеглась на лавочку и хвост спустила под лавочку; сама же слушает, когда заснут хозяева. Старуха захрапела, а старик притворился, что спит.

Вот лиска прыг к решётке, схватила своего гуся, закусила, ощипала и принялась есть. Ест, поест, да и отдохнёт — вдруг гуся не одолеешь! Ела она, ела, а старик всё приглядывает и видит, что лиска, собрав косточки и пёрышки, снесла их под печку, а сама улеглась опять и заснула.

Проспала лиска ещё дольше прежнего — уж хозяин её будить стал:

— Каково-де, лисонька, спала-почивала?

А лисонька только потягивается да глаза протирает.

— А пора тебе, лисонька, и честь знать. Пора в путь собираться, — сказал хозяин, отворяя ей двери настежь.

А лиска ему в ответ:

— Непошто избу студить, и сама пойду, да наперёд своё добро заберу. Давай-ка моего гуся!

— Какого? — спрашивает хозяин.

— Да того, что я тебе вечор отдала на сбережение; ведь ты у меня его принимал?

— Принимал, — отвечает хозяин.
— А принимал, так и подай, — пристаёт лиса.
— Гуся твоего за решёткой нет; поди хоть сама при-
смотри — одни индюшки сидят.

Услыхав это, хитрая лиса грянулась об пол и ну уби-
ваться, ну причитать, что за своего-де гуська она бы и ин-
дюшки не взяла!

Мужик смекнул лисьи хитрости. «Постой, — думает
он, — будешь ты помнить гуся!»

— Что делать, — говорит он. — Знать, надо идти с то-
бой на мировую.

И обещал ей за гуся отдать индюшку. А вместо индюшки тихонько подложил ей в мешок собаку. Лисонька не догадалась, взяла мешок, простилась с хозяином и пошла.

Шла она, шла, и захотелось ей спеть песенку про себя да про лапоток. Вот села она, положила мешок на землю и только было принялась петь, как вдруг выскочила из мешка хозяйская собака — да на неё, а она от собаки, а собака за нею.

Вот забежали обе вместе в лес; лиска по пенькам да по кустам, а собака — за нею.

На лисонькино счастье, случилась нора; лиса вскочила в неё, а собака не пролезла в нору и стала над нею дожидаться, не выйдет ли лиса...

А лиса с испугу дышит не отдышится, а как поотдохнула, то стала сама с собой разговаривать, стала себя спрашивать:

— Ушки мои, ушки, что вы делали?

— А мы слушали да слушали, чтоб собака лисоньку не скушала.

— Глазки мои, глазки, вы что делали?

— А мы глядели да глядели, чтобы собака лисоньку не съела!

— Ножки мои, ножки, вы что делали?

— А мы бежали да бежали, чтоб собака лисоньку не поймала.

— Хвостик, хвостик, ты что делал?

— А я не давал тебе ходу, за все пеньки да сучки цеплялся.

— А, так ты не давал мне бежать! Пстой, вот я тебя! — сказала лиса и, высунув хвост из норы, закричала собаке: — На вот, съешь его!

Собака схватила лису за хвост и вытащила её всю из норы. Тут лисоньке и конец пришёл.

ЛИСА И ЗАЯЦ

Жил-был на поле серенький Зайчик, да жила Лисичка-сестричка. Вот как пошли заморозки, стал Зайка линять, а как пришла зима студёная, со вьюгой да со снежными сугробами, Зайка с холоду и вовсе побелел. И надумал он себе избу строить: натаскал дубочков и давай городить хижину.

Увидала это Лиска и говорит:

- Ты, косенький, что это делаешь?
- Видишь, от холоду избу строю.

«Вишь, какой догадливый, — подумала Лиса, — давай-ка и я построю избу — только уж не лубочный домик, а палаты, хрустальный дворец!»

Вот и принялась она лёд таскать да избу класть.

Обе избу поспели разом, и зажили наши звери своими домами.

Глядит Лиска в ледяное окошечко да над Зайчиком посмеивается: «Вишь, чернолапотник, какую лачугу смастерил! То ли дело моя: и чиста, и светла — ни дать ни взять хрустальный дворец».

Лисе зимою было хорошо, а как пришла весна по зиму да стала снег сгонять, землю пригревать, тут Лискин дворец и растаял да водою под гору сбежал. Как Лиске без дому быть? Вот подкараулила она, когда Зайка вышел из своей избы погулять, подснежной травки, заячьей капустки пощипать, прокралась в Зайкину избу и влезла на полати.

Пришёл Зайчик, торкнулся в дверь — заперта.

Подождал маленько и стал опять стучаться.

— Кто там? — закричала Лиса толстым голосом.

— Это я, хозяин, серый Зайчик, пусти меня, Лисонька.

— Убирайся, не пуцу, — отвечала Лиса.

Подождал Зайка, да и говорит:

— Полно, Лисонька, шутить, пусти, мне уж спать хочется.

А Лиса в ответ:

— Постой, косой, вот как я выскочу, да выпрыгну, да пойду тебя трясти, только клочья по ветру полетят!

Заплакал Зайчик и пошёл куда глаза глядят. Повстречался ему серый Волк.

— Здорово, Зайка, о чём плачешь, о чём горюешь?

— А как же мне не тужить, не горевать: была у меня изба лубяная, у Лисы ледяная. Лисья изба растаяла, водой ушла, она мою захватила, да и не пускает меня, хозяина!

— А вот постой, — сказал Волк, — мы её выгоним!

— Навряд ли, Волченька, выгоним, она крепко засела!

— Я не я, коли не выгоню Лису! — зарычал Волк.

Вот Зайчик обрадовался и пошёл с Волком гнать Лису. Пришли.

— Эй, Лиса Патрикеевна, выбирайся из чужой избы! — закричал Волк.

А Лиса ему из избы в ответ:

— Постой, вот как слезу с печи, да выскочу, да выпрыгну, да пойду тебя трепать, так только клочья по ветру полетят!

— Ой-ой, какая сердитая! — заворчал Волк, поджал хвост и убежал в лес, а Зайка остался плакать в поле.

Идёт Бык.

— Здорово, Зайка, о чём тужишь, о чём плачешь?

— А как же мне не тужить,

как не горевать: была у меня изба лубяная, у Лисы ледяная. Лисья изба растаяла, она мою захватила, да вот и не пускает меня, хозяина, домой!

— А вот постой, — сказал Бык, — мы её выгоним.

— Нет, Быченька, навряд выгнать её, крепко засела, уже её Волк гнал — не выгнал, и тебе, Быку, не выгнать!

— Я не я, коли не выгоню, — замычал Бык.

Зайчик обрадовался и пошёл с Быком выживать Лису. Пришли.

— Эй, Лиса Патрикеевна, ступай вон из чужой избы! — промычал Бык.

А Лиса ему в ответ:

— Постой, вот как слезу я с печи да пойду тебя, Быка, трепать, так только клочья по ветру полетят!

— Ой-ой, какая сердитая! — замычал Бык, а сам испугался, да и убежал.

Зайчик сел подле кочки и заплакал. Вот идёт Мишка Медведь и говорит:

— Здорово, косой, о чём тужишь, о чём плачешь?

— А как же мне не тужить, как не горевать: была у меня изба лубяная, а у Лисы ледяная. Лисья изба растаяла, она мою захватила, да и не пускает меня, хозяина, домой!

— А вот постой, — сказал Медведь, — мы её выгоним!

— Нет, Михайло Потапыч, навряд её выгнать, крепко засела. Волк гнал — не выгнал. Бык гнал — не выгнал, и тебе не выгнать!

— Я не я, — заревел Медведь, — коли не выживу Лису!

Вот Зайчик обрадовался и пошёл, подпрыгивая, с Медведем гнать Лису. Пришли.

— Эй, Лиса Патрикеевна, — заревел Медведь, — убирайся вон из чужой избы!

А Лиса ему в ответ:

— Постой, Михайло Потапыч, вот как слезу с печи, да выскочу, да выпрыгну, да пойду тебя, косолапого, трепать, так только клочья по ветру полетят!

— У-у-у, какая лютая! — заревел Медведь, да и пустился впритруску прочь бежать.

Как быть Зайцу? Стал он Лису упрашивать, а Лиса и ухом не ведёт. Вот заплакал Зайчик, и пошёл куда глаза глядят, и повстречал кочета, красного Петуха, с саблей на плече.

— Здорово, Зайка, каково поживаешь, о чём тужишь, о чём плачешь?

— А как же мне не тужить, как не горевать, коли из родного дома прогоняют? Была у меня избёнка лубяная, а у Лисицы ледяная. Лисья изба растаяла, она мою заняла, да и не пускает меня, хозяина, домой!

— А вот постой, — сказал Петух, — мы её выгоним!

— Вряд ли, Петенька, тебе выгнать, она больно крепко засела! Её Волк гнал — не выгнал, её Бык гнал — не выгнал, Медведь гнал — не выгнал, где уж тебе совладать!

— Попытаемся, — сказал Петушок и пошёл с Зайцем выгонять Лису.

Как пришли они к избушке, Петух запел:

Идёт кочет на пятах,
Несёт саблю на плечах,
Хочет Лиску зарубить,
Себе шапку сшить,
Выходи, Лиса, пожалей себя!

Как слышала Лиса Петухову угрозу, испугалась, да и говорит:

— Подожди, Петушок, золотой гребешок, шёлковая борода!

А Петух кричит:

— Кукареку, всю изрублю!

Вот Лиса просит тоненьким, масляным голоском:

— Петенька, Петушок, пожалей старые косточки, дай шубёнку накинуть!

А Петух, стоя у дверей, знай себе кричит:

Идёт кочет на пятах,
Несёт саблю на плечах,
Хочет Лиску зарубить,
Себе шапку сшить,
Выходи, Лиса, пожалей себя!

Нечего делать, некуда деваться Лисе. Приотворила дверь, да и выскочила. А Петух поселился с Зайчиком в его избушке, и стали они жить, да быть, да добро копить.

ЗАГАДКИ

Что выше лесу?

(олхтыноС)

Над бабушкиной избушкой висит хлеба
краюшка.

(Мвснц)

Сестра к брату в гости идёт, а он от неё пятится.

(*qnoh n qnəʃ*)

Махнула птица крылом и покрыла весь свет одним пером.

(*qnoH*)

Зимой греет, весной тлеет, летом умирает, осенью оживает.

(*Сгəʃ*)

Гуляют по чистому полю два мороза, два родных брата, с ноги на ногу поскакивают, рука об руку поколачивают. Говорит один мороз другому:

— Братец Мороз Багровый Нос! Как бы нам позабавиться, людей поморозить?

Отвечает другой:

— Братец Мороз Синий Нос! Коль людей морозить, не по чистому нам полю гулять. Поле всё снегом занесло, все проезжие дороги замело, никто не пройдёт, не проедет. Побежим-ка лучше к тёмному бору. Там хоть и меньше простору, да забавы будет больше. Всё нет-нет да кто-нибудь и встретится на дороге.

Сказано — сделано.

Побежали два мороза, два родных брата, в тёмный бор. Бегут, дорогой тешатся, с ноги на ногу попрыгивают, по ёлкам, по сосенкам пощёлкивают. Старый ельник трещит, молодой сосняк поскрипывает. По рыхлому снегу пробегут — кора ледяная. Былинка ль из-под снега выглядывает, дунут — словно бисером её всю унижут.

Вот слышат они с одной стороны колокольчик, а с другой — бубенчик. С колокольчиком барин едет, с бубенчиком — мужичок. Стали морозы судить да рядить: кому за кем бежать, кому кого морозить. Мороз Синий Нос, как был помоложе, говорит:

— Мне бы лучше за мужичком погнаться. Его скорей дойму: полушубок на нём старый, заплатанный, шапка вся в дырах, на ногах, кроме лаптишек, ничего. А уж ты, братец, как посильнее меня, за барином беги. На нём, вишь, шуба медвежья, шапка лисья, сапоги волчьи. Мне уж с ним не совладать.

Мороз Багровый Нос только посмеивается.

— Молод ещё ты, — говорит, — братец! Ну, да уж быть по-твоему: беги за мужиком, а я побегу за барином. Как сойдёмся под вечер — узнаем, кому легка была работа, кому тяжела. Прощай покамест!

— Прощай, братец!

Свистнули, щёлкнули, побежали.

Только солнышко закатилось, сошлись они опять на чистом поле, спрашивают друг друга.

— Что? То-то, я думаю, намаялся ты, братец, с барином-то, — говорит младший, — а толку, глядишь, не вышло никакого. Где его было пронять!

Старший посмеивается себе.

— Эх, братец Мороз Синий Нос! Молод ты и прост. Я его так уважил, что он час будет греться, не отогреется.

— А как же шуба-то да сапоги-то?

— Не помогли. Забрался я к нему в шубу, и в шапку, и в сапоги да как начал знобить!.. Он-то ёжится, он-то жмётся да кутается, думает: «Дай-ка я ни одним суставом не шевельнусь, авось меня мороз не одолеет». Ан не тут-то было! Мне это-то и с руки. Как принялся я за него, чуть живого в городе из повозки выпустил. Ну а ты что со своим мужичком сделал?

— Эх, братец Мороз Багровый Нос! Плохую ты со мной шутку сшутил, что вовремя не образумил. Думал — заморожу мужика, вышло — он же мне обломал бока.

— Как так?

— Да так. Ехал он, сам ты видел, дрова рубить. Дорогой начал было я его понимать, только он всё не робеет, ещё ругается. «Такой, — говорит, — сякой этот мороз!» Совсем даже обидно стало: принялся я его пуще щипать да колоть. Только ненадолго была мне эта забава. Приехал он на место, вылез из саней, принялся за топор. Я-то думаю, тут мне и сломить его. Забрался к нему под полушубок, давай его язвить. А он-то топором машет, только щепки летят, стал даже пот его прошибать. Вижу — плохо, не усидеть мне под полушубком. Под конец инда пар от него повалил. Я прочь поскорее. Думаю, как быть? А мужик всё работает да работает, чем бы зябнуть, а ему жарко стало. Гляжу — скидывает с себя полушубок. Обрадовался я. «Погоди же, — говорю, — вот я тебе покажу себя!» Полушубок весь мокрёхонек. Я в него забрался и заморозил так, что он стал лубок лубком. Надевай же теперь, попробуй! Как закончил мужик своё дело да подошёл к полушубку, у меня сердце так и взыграло: то-то потешусь. Посмотрел мужик и принялся меня бранить. «Ругайся, — думаю я себе, — ругайся, а меня всё-таки не выживешь!» А он выбрал палку подлиннее да посуковатее да как примется по полушубку бить. По полушубку бьёт, а меня всё бранит. Мне бы бежать поскорее, да уж больно я в шерсти-то завяз, выбраться не могу. А он-то колотит! Насилу я ушёл, думал, костей не соберу: до сих пор бока ноют.

ЗАГАДКИ

Скатерть бела весь свет одела.

(гәндә)

Мостится мост без досок, без топора, без клина.

(сәһ)

Жили на свете старик со старухой. Жили они хорошо, да вот горе: не было у них детей. Сильно тужили старики, что под старость пришлось им одиноким век коротать, да ничего не поделаешь. Только у них и радости было, что, на чужих детей глядячи, утешаться.

Вот раз зимой сидят старик со старухой под окном и смотрят, как на улице ребята в снежки играют. А снег только что выпал, белый такой, рыхлый... Кончили ребята в снежки играть и стали из снега бабу лепить. Старик и говорит:

— А что, старуха, не пойти ли и нам на улицу, будем и мы бабу лепить.

— Что ж, пойдём разгуляемся на старости! Только на что тебе бабу? Слепим лучше себе дитя из снега, коли бог живого нам не дал.

— Что правда, то правда... — сказал старик, взял шапку и пошёл на улицу.

Принялись старики лепить дитя из снега. Слепили туловище с ручками и с ножками, наложили сверху круглый ком снега и обгладили из него головку.

— Бог в помощь! — кричат ребята.

— Спасибо, — отвечает старик.

— Божья помощь на всё хороша, — говорит старуха.

— Что это вы делаете?... — спрашивают ребята.

— Да вот, что видите: Снегурочку!... — отвечают старики, а сами опять за дело.

Вот вылепили они носик и подбородок, сделали две ямочки на лице, и только что старик прочертил ротик, как вдруг из него теплом пахнуло. Смотрят старики: ямочки

на лице стали уж навывкате, и из них проглядывают голубенькие глазки, а потом и малиновые губки улыбаются. «Что это, господи! Не наваждение ли какое?» — думает старик.

А девочка наклоняет к нему свою головку, точно живая, и шевелит ручками и ножками в снегу, словно грудное дитя в пелёнках.

Задрожала старуха от радости и бросилась обнимать Снегурочку:

— Ах ты, моё дитятко дорогое!

Обняла старуха своё неожиданное дитя и побежала с ним в избу.

Растёт Снегурочка не по дням, а по часам, и что ни день, то всё краше становится.

Старик со старухой не нарадуются на неё. И весело стало у них в доме. Девушки с села приходят забавлять бабушкину дочку: разговаривают с нею, поют ей песни, играют с нею во всякие игры, научают её всему, как что у них ведётся.

А Снегурочка такая смышлёная: всё примечает и перенимает. И стала она за зиму точно девочка лет тринадцати: всё понимает, обо всём говорит, и таким сладким голосом, что заслушаешься. А собою она — беленькая, как снег, глазки, как незабудочки; светло-русая коса до пояса, одного румянца только нет вовсе, словно живой кровинки в теле нет. И все не налюбуются Снегурочкою. Старушка же в ней и души не чает.

— Вот, — говорит она мужу, — даровал-таки нам бог радость на старость!

Прошла зима. Заиграло на небе весеннее солнце и пригрело землю. По проталинам зазеленела травка, и запел жаворонок.

Стали красны девицы хороводы по селу водить да песни петь. А Снегурочка что-то скучна стала.

— Что с тобою, дитя моё? — говорит ей старуха. — Не больна ли ты?

А Снегурочка отвечает ей всякий раз:

— Ничего, матушка, я здорова...

Сошёл последний снег. Зацвели сады и луга, запел соловей и всякая птица, и всё в божьем мире стало живей и веселей. А Снегурочка ещё сильнее скучать стала и всё прячется от солнца в тень. Только в дождик и сумрак она веселей становится.

А раз, как надвинулась серая туча да посыпала крупным градом, Снегурочка так обрадовалась, как иная не была бы рада и жемчугу перекатному. Когда же опять припекло солнце и град растаял, Снегурочка плакала по нём, да так сильно, как будто сама хотела разлиться слезами.

Вот и весна прошла, настал Иванов день. Собрались девушки из села на гулянье в рощу, зашли к Снегурочке и пристали к старухе:

— Пусти да пусти с нами Снегурочку!

Старухе сначала не хотелось пускать её, но потом подумала: «Авось разгуляется Снегурочка!» — и отпустила её с подругами в лес на гулянье.

Пришли они в лес, и пошло у них тут веселье: вили венки, вязали пучки из цветов и распевали весёлые песни. А когда закатилось солнце, девушки разложили костёр из мелкого хвороста, зажгли его и все в венках стали в ряд одна за другою, а Снегурочку поставили позади всех.

— Смотри же, — сказали они, — как мы побежим, так же ты беги следом за нами, не отставай!

Вот стали девушки прыгать через костёр.

Вдруг что-то позади них зашумело и жалобно так просто-нало «ау!». Оглянулись они в испуге — нет никого. Смотрят друг на дружку и не видят между собою Снегурочки.

— А! Верно, она спряталась, шалунья.

И разбежались искать её, но никак не могут найти: кличут, аукают — не отзывается.

— Куда бы это делась она? Видно, домой убежала, — сказали они и пошли в село, но Снегурочки и в селе не было.

Искали её на другой день, искали на третий. Исходили всю рощу — кустик за кустик, деревцо за деревцо — нет Снегурочки. И след простыл!

Долго горевали старик со старухой и плакали по своей дочке.

Куда ж делась Снегурочка?.. Лютый ли зверь уволок её в дремучий лес или хищная птица унесла к синему морю? Нет, не лютый зверь унёс её в дремучий лес и не хищная птица унесла её к синему морю, а когда Снегурочка побежала за подружками и прыгнула в огонь, вдруг потянулась она вверх лёгким паром, свилась в тонкое облачко... и полетела в высоту поднебесную.

Давно это было. Жила на свете мачеха. Было у неё две дочери: родная и падчерица. Родная что ни сделает, за всё её гладят по головке да приговаривают «умница»! А падчерица, как ни угождает, ничем не угодит — всё не так, всё худо, а, надо правду сказать, девочка была золото: в хороших руках она бы как сыр в масле каталась, а у мачехи каждый день слезами умывалась. Что делать!

Ветер хоть пошумит, да затихнет, сварливая баба расходится — не скоро уймёшь: всё будет придумывать да язык чесать. И придумала мачеха падчерицу со двора согнать.

Вот и говорит она мужу:

— Вези, вези, старик, её куда хочешь, чтобы мои глаза её не видали, чтобы мои уши о ней не слыхали. Да не вози к родным в тёплую хату, а в чистое поле, на трескуч мороз.

Заплакал, затужил старик, да нечего делать, посадил дочку в сани, хотел прикрыть попонкой, да и то побоялся, так и повёз, бездомную, в чистое поле. Свалил в сугроб, перекрестился, а сам поскорее домой, чтобы глаза не видали дочерниной смерти.

Осталась бедненькая одна, трясётся, плачет. Вдруг слышит: невдалеке Морозко потрескивает, с ёлки на ёлку поскакивает, поскакивает да пощёлкивает.

Вот очутился он на той сосне, под которой девица сидит. Пощёлкивает, поскакивает, на красную девицу поглядывает.

— Девица, девица, я — Мороз Красный Нос!

— Добро пожаловать, Мороз! Знать, бог тебя принёс по мою душу грешную!

— Тепло ли тебе, девица?

— Тепло, тепло, батюшка Морозушко!

Ниже спустился Морозко, сильнее затрещал и защи-
пал. Опять спрашивает:

— Тепло ли тебе, девица? Тепло ли тебе, красная?

Сильно знобит девицу, чуть дух переводит она, но ещё
говорит:

— Тепло, Морозушко, тепло, батюшка!

Пуще затрещал и сильнее защёлкал Морозко.

— Тепло ли тебе, девица? Тепло ли тебе, красная?

Тепло ли тебе, лапушка?

Девица окостенела и говорит чуть слышно:

— Ой, тепло, голубчик Морозушко!

Полюбились Морозке её ласковые речи: сжалился он
над ней и укутал её шубами, отогрел одеялами да принёс ей
сундук, полный всякого приданого, а потом подарил ей пла-

тье, шитое серебром и золотом. Надела она его и стала такая красавица, такая нарядница! Сидит и песенки попевает.

А мачеха по ней поминки справляет: блинов напекла.

— Поезжай, старик, дочь свою хоронить.

Поехал старик.

А собачка под столом:

— Тяв! Тяв! Старикову дочку в злате, в серебре везут, старухину женихи не берут!

— Молчи, дура! Вот тебе блинок. Скажи: старухину дочь женихи возьмут, а стариковой одни косточки привезут.

Собачка съела блин да опять:

— Тяв! Тяв! Старикову дочь в злате, в серебре везут, старухину женихи не берут.

Старуха собачонке уж и блины давала, и била её, а она всё своё:

— Старикову дочь в злате, в серебре везут, а старухину женихи не возьмут!

Скрипнули ворота, растворились двери, несут сундук высокий, тяжёлый, идёт падчерица в злате да в серебре — так и сияет!

Мачеха глянула — и руки врозь!

— Старик, старик, запрягай других лошадей, вези и мою дочь! Посади её на то же поле, на то же место.

Повёз старик старухину дочь на то же поле, посадил на то же место. Вот и пришел Мороз Красный Нос, поглядел на свою гостью и стал её спрашивать:

— Тепло ли тебе, девица?

— Убирайся ты! — отвечала ему старухина дочь. — Иль ты ослеп, не видишь, что у меня руки и ноги окостенели!

Попрыгал, поскакал Морозко, а хороших речей не дождался, рассердился, схватил её и заморозил.

— Пора, старик, за дочкой ехать. Запрягай-ка лихих коней, да смотри саней не повали, сундук не оброни!

А собачка под столом:

— Тяв! Тяв! Старикову дочь женихи возьмут, а старухиной в мешке косточки везут!

— Не ври! На пирог, скажи: старухину в злате, в серебре везут.

Растворились ворота, выбежала старуха встречать дочку родную, да вместо неё обняла холодное тело. Заплакала, заголосила, да поздно.

ПОСЛОВИЦЫ

Хлеб-соль кушай, а правду слушай.

Правда в огне не горит, в воде не тонет.
Любишь кататься, люби и саночки возить.
Терпение и труд всё перетрут.

ДВЕНАДЦАТЬ МЕСЯЦЕВ

Много-много лет тому назад жила-была одна женщина с двумя дочерьми; одна из дочерей, Елена, была ей родной, а другая, Мария, — падчерицей. Падчерице жилось очень плохо, потому что мачеха и сестра ненавидели её за то, что она была гораздо красивее Елены.

Сама Мария никогда не думала о своей красоте и поэтому не могла понять, за что мачеха и сестра относились к ней так дурно и бранили её всякий раз, как только она попадалась им на глаза. Но чем больше заставляли Марию работать, тем красивее она становилась. И в то время как Елена целыми днями наряжалась и гуляла, Мария должна была делать всю домашнюю работу: убирать комнаты, стряпать, стирать, шить, прясть, работать в поле и ходить за коровой. И всё это, несмотря на постоянную брань, она исполняла весело и охотно.

Убедившись, что Мария чересчур кротка и что её ничем нельзя вывести из терпения, злая мачеха решила, что её нельзя дольше держать в доме. Мачеха хорошо понимала, что если парни придут свататься к ним в дом, то они и не подумают выбрать Елену, ведь Мария красивее и добрее её.

И она всячески старалась избавиться от падчерицы, изводила бедняжку голодом, побоями и бранью. Но Мария всё сносила терпеливо и хорошела день ото дня. Тогда

мачеха и Елена придумали новое средство, чтобы избавиться от неё.

Мария прекрасно знала окрестные поля и леса, все их дорожки и тропинки. Она знала каждый распутившийся цветок и каждое дерево, вела разговоры с птичками, сыпала им зерно и любила наблюдать за насекомыми. Но всё это бывало весной и летом, теперь же на дворе стояли зима и стужа.

И вот Елене вдруг захотелось душистых цветущих фиалок.

— Мария, сходи в лес и нарви мне пучок фиалок, — сурово приказала она сестре.

— Что это тебе пришло в голову! — возразила бедная девушка. — Разве фиалки растут под снегом?

— Как ты смеешь противоречить мне, негодница! — крикнула Елена. — Сейчас же отправляйся в лес, и, если не принесёшь фиалок, я перелому тебе руки и ноги.

Мачеха взяла Марию за плечи, вытолкнула её во двор и заперла за ней дверь.

Обливаясь горькими слезами, девушка пошла в лес.

Всюду лежал глубокий снег, покрывший все дороги и тропинки.

Бедняжка долго бродила, дрожа от холода. Вдруг она заметила вдали какой-то огонёк. Идя прямо на него, она взошла на вершину горы. Здесь горел огромный костёр, и вокруг него на двенадцати камнях сидели двенадцать братьев. Трое из них были совсем седые, трое помоложе, следующие трое ещё моложе, а трое младших были прекраснее всех остальных. Все они молча смотрели на огонь.

Это были двенадцать братьев-месяцев. На первом месте сидел Январь; волосы и борода были у него белыми, как снег, а в руке он держал белый жезл.

Мария испугалась и некоторое время стояла в нерешительности; наконец она собрала с духом, подошла ближе и сказала:

— Добрые люди, позвольте мне погреться у вашего огня; я очень озябла!..

Январь кивнул ей головой и спросил:

— Зачем ты пришла сюда, девушка? Что ты здесь ищешь?

— Я ищу фиалки, — ответила Мария.

— Не время искать фиалки, когда кругом лежит снег, — сказал Январь.

— Я это знаю, — грустно ответила Мария, — но сестра Елена и мачеха приказали мне принести им фиалки, и, если я их не принесу, они переломают мне руки и ноги. Пожалуйста, милые пастухи, научите, где мне их найти.

Январь встал, подошёл к самому младшему месяцу, передал ему свой жезл и сказал:

— Брат Март, садись на главное место.

Месяц сел на главное место и взмахнул жезлом над огнём. Огонь мгновенно вспыхнул ярче, снег начал таять, деревья покрылись почками, зазеленела трава, и в траве показались пёстрые цветочки; настала весна. В тени под кустами зацвели фиалки, и Март крикнул:

— Ну же, рви скорее, Мария!

Мария очень обрадовалась и живо нарвала большой букет. Потом она поблагодарила братьев и весело побежала домой.

Елена и мачеха очень удивились, заведя Марию с пучком фиалок; они отворили ей дверь, и весь дом наполнился благоуханием цветов.

— Где ты их нарвала? — грубо спросила её Елена.

— Там, на самой вершине горы; их росло много под кустами, — ответила Мария.

Елена взяла фиалки, понюхала их и дала понюхать матери, а о Марии они как будто и забыли.

Несколько дней спустя Елене ни с того ни с сего захотелось земляники.

— Ступай, Мария, набери в лесу земляники! — приказала Елена.

— Что ты, милая сестрица, — возразила Мария, — где же я найду теперь землянику? Разве она может расти под снегом?

— Как смеешь противоречить мне, негодная девчонка! Отправляйся сейчас же в лес, и, если не принесёшь земляники, я поколочу тебя! — закричала злая сестра.

И мачеха снова вытолкнула Марию из дома и крепко заперла за ней дверь.

Девушка, заливаясь горькими слезами, отправилась в лес и снова долго бродила по глубокому снегу. Наконец она опять увидела вдаль огонёк и с радостью направилась к нему. Январь по-прежнему сидел на главном месте, а остальные братья — рядом вокруг огня.

— Добрые люди, позвольте мне погреться, — попросила их Мария.

Январь кивнул головой и сказал:

— Зачем ты опять пришла? Чего ты ищешь сегодня?

— Я ищу землянику, — сказала Мария.

— Не время искать землянику, когда лежит снег, — сказал Январь.

— Я это знаю, — грустно сказала Мария, — но сестра Елена и мачеха приказали мне принести земляники, и, если я

этого не сделаю, они поколотят меня. Пожалуйста, милые пастухи, скажите, где мне её найти!

Январь встал, подошёл к брату, сидевшему против него, вручил ему жезл и сказал:

— Брат Июнь, садись на главное место!

Добрый месяц Июнь сел на главное место и взмахнул жезлом над огнём. Пламя разгорелось ярче, снег стоял, земля зазеленела, деревья покрылись листьями, защебетали птички, в лесу распустились цветы — словом, настало лето. Вскоре на лугу показались белые звёздочки, как будто разбросанные невидимой рукой. Звёздочки превратились в ягодки, и всюду вокруг девушки на траве выросла земляника.

— Собирай скорее, Мария, — сказал Июнь.

Мария с радостью бросилась собирать землянику и набрала полный фартук. Потом, поблагодарив братьев-месяцев, она поспешила домой.

Елена и мачеха немало удивились, увидев у Марии полный фартук земляники.

Они поспешно открыли ей дверь, и вся комната наполнилась запахом душистых ягод.

— Где ты набрала их? — спросила Елена.

— Высоко на горе, — сказала Мария, — там целая поляна земляники.

Елена досыта наелась земляники и угостила свою мать, а Марии не дала ни ягодки.

Ещё через несколько дней Елене вдруг захотелось яблок.

— Пойди в лес, Мария, — приказала она, — и нарви мне яблок.

— Откуда же я, милая сестрица, возьму зимой яблоки? — возразила бедная Мария.

— Отправляйся сейчас же, негодная девочка, и, если ты не принесёшь спелых, сладких яблок, я убью тебя! — крикнула злая Елена.

Мачеха вытолкнула Марию из дома и заперла за ней дверь.

Девушка со слезами пошла в лес. На этот раз она не стала бродить по лесу, а прямо направилась на вершину горы, где горел костёр и сидели братья-месяцы во главе с Январём.

— Добрые люди, позвольте мне погреться у огня, — попросила Мария, подходя к костру.

Январь кивнул головой и спросил:

— Зачем ты снова пришла? Чего ты ищешь на этот раз?

— Спелых яблок, — ответила Мария.

— Яблокам теперь не время, — сказал Январь.

— Я это знаю, — грустно ответила Мария, — но сестра Елена и мачеха приказали мне принести из леса сладких, спелых яблок, — иначе они меня убьют. Пожалуйста, милые пастухи, научите, где можно найти их?

Январь встал, вручил свой жезл одному из старших месяцев и сказал:

— Брат Сентябрь, садись на главное место!

Сентябрь сел на главное место и взмахнул жезлом над огнём. Огонь запылал ярче, снег стаял, но деревья не покрывались молодой листвой; один за другим падали с них листья, и ветер разносил их по увядшей траве. На склоне горы, однако, ещё цвели редкие осенние цветы, а под деревьями рос высокий папоротник. Мария взглянула на большую яблоню, где среди листьев были видны прекрасные, спелые яблоки.

— Тряси скорее, Мария! — крикнул ей Сентябрь.

Мария принялась трясти дерево, и вскоре к ней упало яблоко. Она потрясла ещё, упало другое яблоко.

— Беги теперь домой, Мария, — крикнул ей Сентябрь.

Мария подобрала оба яблока, поблагодарила братьев-месяцев и, весёлая, поспешила домой.

Мать и сестра снова удивились, увидев яблоки.

— Где ты их нарвала?

— Наверху, на горе, — ответила Мария.

— Почему же ты принесла всего два яблочка? — сердито закричала на неё Елена, прогнала бедную девушку в кухню и принялась с мачехой за яблоки. Они оказались необыкновенно вкусными, и Елене захотелось ещё таких яблок.

— Дай мне шубку, матушка, — сказала она, — я сама пойду в лес за яблоками, ведь эта негодная девчонка опять принесёт только горстку. Я отыщу место, где они растут, и обтрясу всю яблоньку — не посмотрю ни на чьё запрещение!

Напрасно мать отговаривала её — Елена отправилась в лес. В лесу, конечно, всё было занесено снегом, и нигде не было ни одной тропинки. Долго вязла Елена в сугробах, но желание полакомиться заставляло её идти дальше. Наконец она увидела вдали огонёк и поспешила на него. Она забралась на вершину горы, где горел костёр, а вокруг него сидели двенадцать братьев.

Елена сперва испугалась, но потом осмелела, подошла к огню и протянула руки, чтобы согреться, однако она не спросила позволения у месяцев и даже не сказала им ни одного приветливого слова.

— Что ты ищешь? Зачем ты пришла? — спросил её Январь.

— Какое тебе дело, старое чучело? — ответила ему Елена. — Я не обязана говорить тебе, что ищу и куда иду!

С этими словами она отошла от костра и направилась в лес.

Январь нахмурился и взмахнул жезлом над огнём. В ту же минуту небо потемнело, пошёл снег и подул холодный ветер.

Елена долго бродила, плутая в метели, наконец она упала в изнеможении и замёрзла насмерть.

Мать долго ждала Елену, но час проходил за часом, а дочь не возвращалась.

«Может быть, ей так понравились яблоки, что она не может с ними расстаться?» — подумала мать.

И она, в свою очередь, надела шубу и отправилась искать Елену. Долго искала и звала она дочь, а снег падал всё гуще, и мороз становился всё крепче; наконец она упала и тоже замёрзла.

Между тем Мария стряпала обед, поджидая сестру и мачеху, но время шло, становилось темнее, а их всё не было. И на другой день Мария всё ещё поджидала их. Наконец она поняла, что они пропали. И вот доброй Марии достались в наследство хижина, корова и усадьба. Вскоре на ней женился хороший парень, и они счастливо жили до самой смерти.

ГОСПОЖА МЕТЕЛИЦА

Было у одной вдовы две дочери; одна была красивая и работающая, а другая — уродливая и ленивая. Но мать больше любила уродливую и ленивую, а другой приходилось исполнять всякую работу.

Бедная девушка должна была каждый день сидеть на улице у колодца и прясть пряжу, да так много, что от работы у неё кровь выступала на пальцах.

И вот случилось однажды, что всё веретено залилось кровью. Тогда девушка нагнулась к колодцу, чтобы его обмыть, но веретено выскочило у неё из рук и упало в воду. Она заплакала, побежала к мачехе и рассказала ей про своё горе.

Стала мачеха её сильно бранить и сказала:

— Раз ты веретено уронила, то сумей его и назад достать.

Вернулась девушка к колодцу и горько заплакала, но делать нечего — прыгнула она в колодец, чтоб достать веретено.

Вдруг видит — находится она на прекрасном лугу, и светит над ним солнце, и растут на нём тысячи разных

цветов. Пошла она по лугу и пришла к печи, а в ней полным-полно хлеба.

— Ах, вытащи меня, вытащи, — закричал хлеб, — а не то сгорю — я давно уж испёкся. — Тогда она подошла и вытащила лопатой все хлеба один за другим. Пошла она дальше и пришла к дереву, а на нём полным-полно яблок, и сказало ей дерево:

— Ах, отряхни меня, отряхни, мои яблоки давно уж спели! — Она начала трясти дерево, и посыпались, словно дождь, яблоки наземь, и она трясла яблоню до тех пор, пока не осталось на ней ни одного яблока. Сложила она яблоки горкой и пошла дальше.

Пришла она к избушке и увидела в окошке старуху, и были у той такие большие зубы, что стало девушке страшно. Хотела было она убежать, но старуха ей крикнула:

— Милое дитяtko, не бойся! Оставайся у меня. Если ты будешь хорошо исполнять всякую домашнюю работу, будешь жить привольно. Только смотри, стели как следует мне постель и старательно взбивай перину, чтобы перья взлетали, и будет тогда во всём свете идти снег; ведь я — госпожа Метелица.

Так как старуха обошлась с нею ласково, то на сердце у девушки стало легче, и она согласилась остаться и поступить к госпоже Метелице в работницы. Она старалась во всём угождать старухе и всякий раз так сильно взбивала перину, что перья взлетали кругом, словно снежинки; и потому девушке жилось хорошо, и она никогда не слыхала от хозяйки дурного слова, а еды и питья каждый день было у неё вдоволь.

Так прожила она некоторое время у госпожи Метелицы, да вдруг запечалилась и поначалу сама не знала, чего ей не хватает; но наконец поняла, что тоскует она по родному дому, и хотя ей было здесь в тысячу раз лучше, чем там, всё же захотела она домой. Наконец она сказала старухе:

— Истосковалась я по родимому дому, и хотя мне так хорошо здесь, под землёй, но дольше оставаться я не могу, мне хочется вернуться наверх — к своим.

Госпожа Метелица сказала:

— Мне нравится, что тебя тянет домой, и так как ты мне хорошо и прилежно служила, то я сама провожу тебя туда. — Она взяла её за руку и привела к большим воротам.

Открылись ворота, и, когда девушка проходила сквозь них, вдруг пошёл золотой дождь, и вся одежда на девушке оказалась усыпанной золотом.

— Это тебе за то, что ты так прилежно работала, — сказала госпожа Метелица и вернула ей также и веретено, упавшее в колодец. Вот закрылись за ней ворота, и очутилась девушка опять наверху, на земле, и совсем недалеко от дома своей мачехи. И только она вошла во двор, запел петух на колодце:

Кукареку!

Наша девица золотая тут как тут.

Вошла она прямо в дом к мачехе; и, оттого что была она вся золотом покрыта, приняли её и мачеха, и сводная сестра ласково.

Рассказала девушка всё, что с ней приключилось. Как услыхала мачеха о том, что случилось с девушкой у госпожи Метелицы, захотелось ей добыть такого же счастья и для своей уродливой дочери.

Посадила она её у колодца прясть пряжу; а чтоб веретено было у ней тоже в крови, девушка уколола себе палец, сунув руку в густой терновник, а потом кинула веретено в колодец, а сама прыгнула вслед за ним.

Попала она, как и её сестра, на прекрасный луг и пошла той же тропинкой дальше. Подошла она к печи, а хлеб опять как закричит:

— Ах, вытащи меня, вытащи, а не то я сгорю — я давно уж испёкся!

Но ленивица на это ответила:

— Да на что мне пачкаться! — и пошла дальше. Подошла она вскоре к яблоне, и заговорила яблоня:

— Ах, отряхни меня, отряхни, мои яблоки давно уж спели!

Но ответила она яблоне:

— Ещё чего захотела, ведь яблоко может упасть мне на голову! — и пошла дальше.

Когда она подошла к дому госпожи Метелицы, не было у неё никакого страха — она ведь уже слыхала про её большие зубы, — и тотчас нанялась к ней в работницы. В первый день она старалась, была в работе прилежная и слушалась госпожу Метелицу, когда та ей что поручала, — ленивица всё думала о золоте, которое ей подарят. Но на второй день стала она лениться, на третий и того больше, а потом и вовсе не захотела вставать рано утром. Она не стлала госпоже Метелице постель как следует и не взбивала ей перины так, чтобы перья взлетали вверх. Разозлилась госпожа Метелица и прогнала ленивицу со двора. Ленивица очень этому обрадовалась, думая, что теперь-то и посыплется на неё золотой дождь.

Госпожа Метелица повела её к воротам, но когда та проходила под ними, то вместо золота опрокинулся на неё полный котёл смолы.

— Это тебе в награду за твою работу, — сказала госпожа Метелица и закрыла за ней ворота.

Вернулась ленивица домой вся в смоле; и как увидел её петух, сидевший на колодце, так и запел:

Кукареку!

Наша девушка-грязнуха тут как тут.

А смола на ней так на всю жизнь и осталась, и не смыть её было до самой смерти.

СОДЕРЖАНИЕ

Р. Кудашева. ЁЛОЧКА. (ил. М. Литвиновой)	5
С. Дрожжин. «Улицей гуляет...» (отрывок) (ил. М. Литвиновой) .	6
В. Даль. СТАРИК-ГОДОВИК. (ил. Ю. Устиновой).	9
М. Клокова. «— Посмотри скорей: зима!..» (отрывок) (ил. М. Литвиновой)	15
Э. Мошковская. «Снег посыпал густо-густо...» (отрывок) (ил. М. Литвиновой)	17
Русская сказка. ЗИМОВЬЕ ЗВЕРЕЙ. (ил. Ю. Устиновой)	19
Русская сказка. ХИТРАЯ ЛИСА. (ил. Ю. Устиновой)	25
Русская сказка. БИТЫЙ НЕБИТОГО ВЕЗЁТ. (ил. Ю. Устиновой)	26
В. Даль. ЛИСА-ЛАПОТНИЦА. (ил. Ю. Устиновой)	32
В. Даль. ЛИСА И ЗАЯЦ. (ил. Ю. Устиновой)	46

ЗАГАДКИ. (ил. Ю. Устиновой)	56
М. Михайлов. ДВА МОРОЗА. (ил. Ю. Устиновой)	59
ЗАГАДКИ. (ил. Ю. Устиновой)	63
Русская сказка. СНЕГУРОЧКА. (ил. Ю. Устиновой)	65
Русская сказка. МОРОЗКО. (ил. Ю. Устиновой)	71
ПОСЛОВИЦЫ. (ил. Ю. Устиновой)	76
Словацкая сказка. ДВЕНАДЦАТЬ МЕСЯЦЕВ. (ил. Ю. Устиновой)	79
В. и Я. Гримм. ГОСПОЖА МЕТЕЛИЦА. (Перевод Г. Петникова, ил. Ю. Устиновой)	90

#эксмогетство

ISBN 978-5-04-103127-5

9 785041 031275

www.vk.com/eksmo_kids

